

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Глава 1 **РЕСПУБЛИКА БИЗНЕСМЕНОВ: 1776–1880 ГГ.** 41

Глава 2 **ДВЕ АМЕРИКИ** 77

Глава 3 **ТРИУМФ КАПИТАЛИЗМА: 1865–1914 ГГ.** 111

Глава 4 **ЭПОХА ГИГАНТОВ** 146

Глава 5 **БУНТ ПРОТИВ LAISSEZ-FAIRE** 177

Глава 6 **ДЕЛО АМЕРИКИ — БИЗНЕС** 222

Глава 7 **ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ** 255

Глава 8 **ЗОЛОТОЙ ВЕК РОСТА: 1945–1970 ГГ.** 313

Глава 9 **СТАГФЛЯЦИЯ** 340

Глава 10 **ЭПОХА ОПТИМИЗМА** 368

[>>>](http://kniga.biz.ua) Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Глава 11 **ВЕЛИКАЯ РЕЦЕССИЯ** 415

Глава 12 **ИССЯКАЮЩИЙ ДИНАМИЗМ АМЕРИКИ** 439

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 471

Приложение. Данные и методология 504

Благодарности 510

Графические и изобразительные материалы 511

Графики, диаграммы и таблицы 514

Примечания 518

Предметно-именной указатель 541

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАЧНЕМ НАШУ ИСТОРИЮ С ФАНТАЗИИ. Представьте себе встречу Всемирного экономического форума в Давосе в 1620 г. Сильные мира сего со всего света собрались в альпийской деревушке: китайские ученые в шелковых халатах, британские авантюристы в камзолах и колетах, османские чиновники в тюрбанах и кафтанах — все они пробираются, то и дело падая, по обледеневшим тропкам и собираются в тавернах и харчевнях, согреть и оживляя беседу добрым глотком вина.

На повестке дня этой конференции — взрывоопасный вопрос: кто будет господствовать в мире в грядущих столетиях? Всякий желающий приобщиться к мудрости Давоса вынужден разрываться между сменяющимися друг друга дискуссиями экспертов и спотыкаться на каждом шагу от следующих за ними застолий.

Китайцы приводят самый убедительный довод в свою пользу: население Пекина составляет больше миллиона человек, в то время как крупнейшие европейские города (Лондон, Париж, Ницца) едва дотягивают до 300 000; чиновники на государственную службу отбираются по всей огромной империи через строжайшую систему экзаменов; китайские ученые только что создали энциклопедию в 11 000 томах. Китайские кораблестроители строят крупнейшие корабли в мире¹.

¹ Автор, скорее всего, намекает на «корабли-сокровищницы» (кит. — баочуань), достигавшие, по разным оценкам, до 117 м в длину и 48 м в ширину (примерно вдвое больше крупнейших европейских трехпалубных кораблей периода расцвета парусного флота). Справедливости ради такие корабли строились за полтора века до описанного фантастического форума в Давосе

Однако у оппонентов Китая хватает контраргументов. Турки заявляют, что Османская империя, самая могущественная держава в исламском мире, объединяющем земли Турции и Аравии, районы южнее Сахары и территории в Азии, расширяет свои владения на западе и вскоре покорит и Европу. Представитель империи Великих Моголов подчеркивает, что она объединяет людей всех рас и религий, став настоящим плавильным котлом творческого созидания. Испанский гранд снисходительно замечает на это, что именно Испания с благословения единственно истинной церкви вот-вот распространит свое милосердное правление на всю остальную Европу и даже на Латинскую Америку, обеспечивающую дальнейшую экспансию метрополии нескончаемым потоком золота и серебра. Однако с самым неожиданным заявлением выступает отважный британец. Его крошечная страна разрывает все связи с континентом, закосневшим и насквозь коррумпированным, и сосредоточивается на развитии новых динамичных институтов: мощного парламента, могучего флота (поддерживаемого пиратами), а также организаций совершенно нового типа — получавших королевскую лицензию акционерных обществ, способных вести дела по всему миру.

За давосскими спорами совершенно незамеченным остается один регион — Северная Америка. По сути, это почти белое пятно на карте — грандиозная, но дикая местность где-то к северу от Латинской Америки, богатой драгоценными металлами. Эта пустошь расположена между Тихим океаном и Атлантикой, где пролегают основные торговые пути и ходят огромные косяки рыбы. Населена она аборигенами — дикарями, которые еще не пересекались с давосской публикой. В Новой Англии и Вирджинии обретается горстка европейцев, но те сообщают, что жизнь там тяжелая, а признаки цивилизации отсутствуют. Весь Североамериканский континент производит меньше материальных благ, чем самое мелкое германское княжество.

Сегодня Соединенные Штаты Америки — крупнейшая экономика мира: обладая всего 5% населения Земли, страна производит

и к началу XVII в. китайское господство на морях уже сошло на нет. — Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. пер.

четверть мирового ВВП в долларовом эквиваленте². Уровень жизни в Америке один из самых высоких в мире — он уступает лишь немногим маленьким странам вроде Катара или Норвегии. Кроме того, США доминируют в отраслях, формирующих будущее человечества, — в интеллектуальной робототехнике, производстве беспилотных автомобилей, разработке лекарств, увеличивающих продолжительность жизни. В 1980 г., когда президентом США был избран Рональд Рейган, Америке принадлежало 10% мировых патентов. Сегодня ей принадлежит 20%.

Экономика Америки настолько же разнообразна, насколько и огромна. Америка занимает лидирующие позиции в целом спектре отраслей — от разработки природных ресурсов до информационных технологий, от целлюлозно-бумажной промышленности до биотехнологий. Многие ведущие экономики опасно сконцентрированы в одном городе-центре. Наиболее очевидный пример такой концентрации — Великобритания. Схожая ситуация в Южной Корее и в Швеции. В США есть множество ведущих центров: в Нью-Йорке сосредоточены финансы, в Сан-Франциско — технологии, в Хьюстоне — энергетика, в Лос-Анджелесе — кинематограф.

Американский капитализм — самый демократичный в мире. Именно в Америке возникли главные движители «народного капитализма»³ — от поточного производства до франчайзинга и паевых инвестиционных фондов. Во многих странах капитализм устойчиво ассоциировался с плутократической элитой. Но в Америке он всегда подразумевал открытость и новые возможности. Американский капитализм давал тем, кто был рожден в безвестности, шанс пробиться к высшим ступеням в обществе. Американский капитализм обеспечивал обычным людям доступ к товарам и услугам, прежде доступным исключительно для представителей верхушки. Роулэнд Мейси, бывший китобой с наколкой на руке, продавал «товары, приличествующие

² По номиналу. — Прим. ред.

³ Стоит заметить, что в устах авторов «народный капитализм» (mass capitalism), скорее, публицистический образ, а не научный термин. Авторы подчеркивают, что именно в США сформировались институты и инструменты, успешно вовлекавшие в капиталистическое производство народные массы в самых разных форматах.

миллионеру, по ценам, доступным миллионам». Сын фермера Генри Форд гордился тем, что его «Жестяная Лиззи» (Model T) — это «машина для обычных людей». Иммигрант из Италии Амадео Джаннини основал Bank of America, стремясь сделать банковские услуги доступными «маленькому человеку». Другой иммигрант, Пьер Омидьяр, создал интернет-базар eBay, втянув простого обывателя в процесс свободного обмена.

Путь Америки к своему величию был, конечно, запятнан множеством постыдных фактов, важнейшие из которых — притеснение коренного населения континента и обращение миллионов чернокожих в рабство. Тем не менее в широкой исторической перспективе этот путь был, безусловно, позитивным процессом. Америка обеспечила не только благосостояние своих граждан, но и экспортировала процветание в форме изобретений и идей. Не вступи Америка во Вторую мировую войну, Гитлер вполне мог бы поработить Европу. Не прояви Америка непоколебимой решимости в период холодной войны, духовные наследники Иосифа Сталина вполне могли бы до сих пор оставаться у власти в Восточной Европе и по крайней мере в большей части Азии. Дядя Сэм создал арсенал демократии, который спас XX век от тотальной катастрофы.

Это великолепная, выдающаяся история. Но ее развязка совсем не похожа на хеппи-энд: сегодня рост производительности практически прекратился. Тайлер Коуэн говорил о «великой стагнации». Лоуренс Саммерс вдохнул новый смысл в термин Элвина Хансена «секулярная стагнация». Исследование Роберта Гордона, посвященное истории американской экономики со времен Гражданской войны, называется «Взлеты и падения американского экономического роста» (The Rise and Fall of American Growth)⁴. Китай и другие быстро растущие державы отбирают у Америки экономическое первенство отрасль за отраслью. Темпы

⁴ Речь идет о работах американских ученых Тайлера Коуэна (Коуэн Т. Среднего более не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015), Элвина Хансена (Hansen, Alvin H. Economic Progress and Declining Population Growth. *American Economic Review*, March 1939, 29 (1), pp. 1–15), Лоуренса Саммерса (Summers, Lawrence. U.S. Economic Prospects: Secular Stagnation, Hysteresis, and the Zero Lower Bound. *Business Economics*, April 2014, 49 (2), pp. 65–73); Роберта Гордона (Robert J. Gordon, The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of

возникновения новых компаний опустились до рекордно низкого показателя за весь современный период. Рынок труда в застое. Нормативные требования множатся.

Америка умеет оправляться от былых разочарований. В 1930-е гг. она пережила одну из самых долгих и тяжелых экономических депрессий, которые когда-либо обрушивались на любую страну. Из Второй мировой войны США вышли страной с самой мощной экономикой мира – и остаются таковыми до сих пор. В 1970-е гг. Америку поразила стагфляция, она потерпела несколько болезненных поражений в конкуренции с Германией и Японией. Но в последующие два десятилетия Америка сумела воспользоваться возможностями, предоставленными развитием информационных технологий и глобализацией, для того, чтобы вновь стать самой динамичной экономикой. Сумеет ли Америка повернуть подобный фокус вновь, пока неясно.

Эта книга рассказывает о замечательнейшей истории последних 400 лет: 13 колоний из мирового захолустья сумели создать самую мощную экономику когда-либо известную человечеству. Обращаясь к урокам истории, мы попытаемся ответить на самый насущный вопрос современности: сумеют ли Соединенные Штаты сохранить свое превосходство или лидерство неизбежно перейдет от США к какой-то другой (и почти наверняка гораздо менее свободной) державе?

ПРЕКРАСНАЯ ЭПОХА ДЛЯ СТАРТА

300 лет назад Америка была лишь совокупностью разрозненных поселений где-то на краю обитаемого мира. Образованнейшие люди вспоминали о ней в последнюю очередь. В международной политике ее касались вскользь. Богатая природными ресурсами территория находилась слишком далеко от центров цивилизации; огромные новые земли оставались по большей части почти недосыгаемыми. Однако удача улыбалась молодой стране. Своим появлением на свет Америка обязана целой цепочке счастливых

Living since the Civil War. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016). –

Прим. ред.

для нее перемен. Восстание, которое создало Соединенные Штаты, могло бы и не начаться вовсе, если бы британские правящие круги прислушались к словам Эдмунда Бёрка⁵ и проводили чуть менее жесткую политику по отношению к колониям. Восставшие против британского господства колонисты извлекли немалую пользу из войны мирового масштаба, развернувшейся между Британией и Францией. Не будь Джордж Вашингтон таким выдающимся лидером, борьба за независимость могла бы и захлебнуться. Обстоятельства благоприятствовали Америке и после ее появления. В 1803 г. Томас Джефферсон приобрел у Франции Территорию Луизиану, что вдвое увеличило размер страны. Эта покупка принесла США огромные площади плодородной земли для сельского хозяйства, реку Миссисипи и порт Новый Орлеан. В 1821 г. Америка купила Флориду у Испании, в 1845-м аннексировала Техас, в 1846 г. — Орегон, а в 1850-м, после победы в американо-мексиканской войне, присоединила Калифорнию.

Америке также повезло с «родителями»: оказаться «дочкой» страны, в которой произошла первая промышленная революция и возникла первая парламентская демократия, было гораздо лучше, чем, допустим, «дочкой» Испании или Бельгии. И сегодня американцы считают монархическую тиранию безусловным злом, превознося при этом достоинства Американской революции. Но Война за независимость США была во многих своих проявлениях революцией незавершенной. Америка унаследовала многие лучшие традиции Британии — от ограниченных полномочий правительства до обычного (прецедентного) права и уважения к личным правам и свободам, которое, если верить авторитетному историку Алану Макфарлейну, восходит еще к XIII в.⁶ [1].

⁵ Эдмунд Бёрк (1729–1797) — англо-ирландский парламентарий-консерватор, выступавший за предоставление британским колониям на Американском континенте определенной самостоятельности, снижение налогового бремени, а после начала Войны за независимость (Американской революции) — за мирное урегулирование конфликта.

⁶ Речь идет о Великой хартии вольностей (Magna Carta), принятой в Англии в 1215 г. на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и защищавшей ряд прав и привилегий свободного населения страны. Ее принятие считается эпохальной вехой в истории развития западной демократии.

Америка была вовлечена в постоянный неофициальный обмен информацией с Великобританией. В американские колонии продолжали приезжать британцы, часто обладавшие промышленными секретами. Американцы посещали британские фабрики, заводы и выставки. Америка заимствовала британские модели организации рынка ценных бумаг, товарно-сырьевой биржи и патентного права. Разные по названию страны, Америка и Британия были тем не менее объединены общей культурой.

Но больше всего Америке повезло со временем появления. Соединенные Штаты возникли в эпоху Просвещения, когда старые истины переосмыслились, а устоявшиеся институты реорганизовывались. Жестокая борьба Америки за независимость (1775–1783) началась за год до того, как свет увидела величайшая книга о свободной рыночной экономике — «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита⁷. Почти на всем протяжении писаной истории человечество молчаливо соглашалось со статичным и предсказуемым состоянием общества — и даже в каком-то смысле приветствовало его. По данным исследования Ангуса Мэддисона, с рождения Иисуса до примерно 1820 г. экономический рост составлял всего 0,11% в год — или 11% за век [2]. Молодой крестьянин XV в. мог вполне рассчитывать на то, что он будет обрабатывать все тот же надел, определенный ему сюзереном, до тех пор, пока болезнь, голод, природный катаклизм или насильственная смерть не подведут счет его дням. Он мог примерно с той же вероятностью рассчитывать и на то, что его дети и дети его детей будут обрабатывать все тот же участок земли.

Адам Смит предложил революционную концепцию динамичного общества, в котором производство материальных благ умножалось, а возможности возникали в изобилии. Это был выдающийся интеллектуальный эксперимент, настоящий переворот в экономической мысли, до тех пор поиск собственной выгоды считался в лучшем случае занятием недостойным, а в худшем — греховным. Смит пошел наперекор сложившемуся стереотипу,

⁷ Смита А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2017.

доказывая, что поиск этой выгоды, не выходящий за рамки закона и морали, резко повышает благосостояние всей страны.

Ни одна страна не прониклась этой идеей глубже, чем та, что появилась на свет сразу после того, как Адам Смит обнародовал свои мысли. Эта новая страна родилась во время восстания против меркантилистского режима, уверенного в том, что экономическая состоятельность государства измеряется в объеме золота, которым оно владеет, а этот объем, в свою очередь, зависит от величины положительного сальдо торгового баланса, которую обеспечивают протекционистские меры. Конституция США, написанная в 1787 г. и ратифицированная в 1788-м, постулировала, что вся страна является единым общим рынком без внутренних тарифов, сборов или налогов на коммерческую деятельность, осуществляемую между собой отдельными штатами в составе общего государства. Америка была первой страной, появившейся в эпоху экономического роста, когда насущной экономической задачей стало содействие силам перемен, а не распределение конечного объема ресурсов.

Вторым мощным фактором формирования американской идентичности стал главный антагонист Просвещения — религия, и прежде всего — протестантизм. Америка находилась под гораздо более мощным влиянием европейской Реформации, чем какая-либо иная страна. Если католическая церковь требовала от прихожан обращаться к Господу через посредника-священнослужителя, то протестантская церковь побуждала своих последователей обращаться к Богу через посредство Библии. Протестанты должны были читать Добрую Книгу дома и самостоятельно приходить к тем или иным суждениям по религиозным вопросам, а не полагаться на авторитетное мнение вышестоящих. Переселенцы-пуритане, осевшие в Массачусетсе, основали беспрецедентное количество школ и университетов. Закон Массачусетса обязывал всех владельцев домохозяйств обучать детей чтению. «После того, как Господь сохранил нас на пути в Новую Англию и мы построили дома, обустроили хозяйство, выделили достойные места для почитания Господа и создали гражданское управление, — говорилось в письме от 1643 г.

из Гарвардского университета в Англию (это первый известный образец письма-декларации о создании университета), — одним из самых горячих наших устремлений и желаний было способствовать развитию и распространению образования и обеспечить постоянную передачу знаний нашим потомкам».

В первые годы существования страны Америке выпала еще одна удача: отцы-основатели⁸ поняли, что единственный путь к процветанию в меняющемся мире пролегает по маршруту, заданному фиксированными, не меняющимися ориентирами. Они предоставили гражданам страны определенный набор прав, которые правительство не могло нарушить, а также Конституцию, предназначенную контролировать власть. Чем шире становились пределы народовластия, тем строже нужно было следить за тем, чтобы люди не злоупотребляли этой властью. Чем шире становились возможности для бизнеса, тем эффективнее должны были становиться механизмы, не позволяющие торговцам обрушить валюту или надуть своих покупателей.

Отцы-основатели сделали права собственности частью национального ДНК Америки. Фраза Томаса Джефферсона о том, что человек обладает «неотъемлемым правом» на «жизнь, свободу и поиск счастья» была парафразом мысли Джона Локка из «Второго трактата о гражданском правлении»⁹ о том, что человек обладает «природным» правом охранять «свою жизнь, свободу и собственность против любого урона или посягательств со стороны других людей». Конституция использовала принцип разделения властей прежде всего для того, чтобы защитить имущих от ограбления их массами или диктатором. Такая активная защита частной собственности прекрасно стимулировала предпринимательство в самом государстве, поскольку граждане имели достаточно веские основания полагать, что сумеют сохранить заработанную прибыль. Более того, она привлекала

⁸ Отцы-основатели — традиционное именование политиков, заложивших основы американской государственности. Главными среди них являются семеро — Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Джон Адамс, Александр Гамильтон, Джон Джей, Джеймс Мэдисон. — *Прим. ред*

⁹ Локк Дж. Сочинения: В 3 т. — М.: Мысль, 1985. — Т. 3.

иностранных инвесторов — те с охотой вкладывали свои капиталы в Америку в уверенности, что их вложения не будут украдены, а условия договоров будут соблюдаться.

Приверженность Америки к защите частной собственности распространила эту защиту даже на плоды воображения. Отцы-основатели сделали патентную защиту частью Конституции — об этом прямо говорит раздел 8 статьи I. Америка предложила защиту прав интеллектуальной собственности тем, кто никогда не имел ее в Европе; патентная пошлина в США составлял всего 5% от суммы такой пошлины в Великобритании. При этом, защищая права изобретателей на извлечение прибыли от коммерциализации их изобретений, законы США требовали от них публиковать детали своих патентов с тем, чтобы информация об новинках распространялась как можно шире.

Это особое внимание к патентам указывает на еще одно преимущество: Америка родилась в эпоху бизнеса. Эту страну создали корпорации — такие как Virginia Company или Massachusetts Bay Company. Фактически первые американские «фримены»¹⁰ были акционерами компаний, а первыми «содружествами» стали общие собрания акционеров. Американцы первыми использовали слово «бизнесмен» в его современном значении. В XVIII в. англичане называли «людьми бизнеса» (или «деловыми людьми») тех, кто подвизался в публичной политике. Дэвид Юм охарактеризовал Перикла именно как «делового человека» (man of business). В 1830-е гг. американцы начали использовать это выражение для описания людей, занятых коммерческими операциями [3].

С тех пор американцы выработали в себе такое же уважение к бизнесменам, какое британцы питают к джентльменам, французы — к интеллектуалам, а немцы — к ученым. Готовность Америки «привнести нечто героическое в то, как они ведут дела» — по выражению Алексиса де Токвиля — привела к формированию культа предпринимателя. Американцы были инстинктивными

¹⁰ «Фримены» (свободные люди) — в XVII в. название состоятельного сословия американских колоний, которые — как собственники — обладали полнотой прав, в отличие от слуг (сервентов) и нищей голытьбы, прибывавшей в Америку в поисках лучшей доли. — Прим. ред.

приверженцами идеи Йозефа Шумпетера о том, что истинным двигателем исторических перемен являлись не рабочие, как утверждал Карл Маркс, и не абстрактные экономические силы, как полагали экономисты того же направления, а люди, способные построить нечто из ничего — изобретатели, подобные Томасу Эдисону, имевшему 1093 патента, или создатели компаний, подобные Генри Форду, Томасу Уотсону и Биллу Гейтсу.

Исторический путь развития Америки после войны за независимость не был прямым как стрела. Молодая республика фактически разделилась надвое — между двумя разными образами будущего. Томас Джефферсон видел Америку децентрализованной аграрной страной, населенной свободными фермерами-йоменами¹¹. А в представлении (удивительно живучем) Александра Гамильтона Америка выглядела урбанистической республикой, экономический рост которой определяли промышленные предприятия и мощный банк, обеспечивающий их денежными потоками. Эти две разительно отличные модели реализовались в двух частях Америки, фактически поделив ее на капиталистический промышленный Север и рабовладельческий сельскохозяйственный Юг. С течением времени это разделение стало еще более явным — по мере того, как Север все активнее инвестировал в машины и оборудование, а Юг — в хлопководство, одновременно пытаясь распространить рабство и на новые территории — Канзас, например. В конечном счете этот спор разрешила Гражданская война 1861–1865 гг. Ее исход определил будущее страны, и Соединенные Штаты энергично занялись распространением своей версии бизнес-цивилизации на весь континент.

ЛЮДИ СТРАНЫ ИЗОБИЛИЯ

Американская бизнес-цивилизация укоренилась в стране, щедро обеспеченной тремя важнейшими предпосылками производства — капиталом, землей и рабочей силой. С 1818 по 1914 г.

¹¹ Йоменами в средневековье называли свободных английских крестьян, из которых формировались знаменитые отряды лучников, неоднократно обеспечивавших победу англичанам в ходе Столетней войны. — *Прим. ред.*

американский банковский сектор разросся с 338 банков с общими активами в 160 млн долл. до 27 864 банков, активы которых насчитывали 27,3 млрд долл. Америка стала мировым лидером в импорте капитала; главным ее донором была Великобритания – предшественница США в качестве штаб-квартиры мирового капитализма. Территория США в первой половине XIX в. прирастала постоянно и быстро – от 2 239 681,86 кв. км в 1800 г. до 7 614 673,82 кв. км в 1850 г. Между окончанием Гражданской и началом Первой мировой войны американцы освоили как сельскохозяйству 1 618 744 кв. км диких земель, что почти вдвое больше, чем вся территория Западной Европы.

Эта земля была необычайно богата природными ресурсами. Общая длина судоходных рек США больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Величайшие из этих рек – Миссури, Огайо, Арканзас, Теннесси и, конечно, могучая Миссисипи – пересекают страну скорее по диагонали, чем перпендикулярно, разделяя ее на естественные географические зоны [4]. Аппалачи, простирающиеся от Пенсильвании до Кентукки и холмов Западной Вирджинии, переполнены каменным углем. Монтана настолько богата драгоценными металлами, что ее прозвали штатом-сокровищницей. В районе Месаби в Миннесоте – богатейшее месторождение железной руды. В земле Техаса – моря нефти (которые сегодня оказались еще более «полноводными» благодаря технологии гидроразрыва пласта). Средний Запад – житница Америки.

Изобилие природных ресурсов оказывало огромное влияние на экономическое развитие США. Порой оно проявлялось в форме общенациональной истерии вокруг этих ресурсов – достаточно припомнить золотую лихорадку 1849 г. и нефтяные бумы начала или середины XX в. Оно формировало мощные отрасли хозяйства, работающие на экспорт, – например, зерновых. Но один из наиболее существенных факторов такого изобилия оставался неясным – экономическое развитие Америки, в отличие от других стран, не сдерживалось нехваткой природных ресурсов. За период бурного роста американской сталелитейной промышленности с 1890 по 1905 г. доля Миннесоты

в общенациональном производстве железной руды выросла с 6 до 51%, а цена на руду в стране упала вдвое: американским стальным магнатам сырье обходилось гораздо дешевле, чем их британским конкурентам.

Америка притягивала людей как магнитом. Уровень рождаемости в колониальной Америке был одним из самых высоких в мире — благодаря изобилию земли и нехватке рабочей силы. Темпы прироста численности населения, и без того достаточно высокие, резко ускорились, когда в Америку хлынули люди со всего мира. В XIX в. население выросло почти в 15 раз — с 5,3 млн человек до 76 млн. Столько людей не жило ни в одной стране Европы, за исключением России. К 1890 г. 80% ньюйоркцев и 87% чикагцев были иммигрантами или детьми иммигрантов.

Среди икон американского предпринимательства необычайно высока доля иммигрантов или их детей. Александр Белл и Эндрю Карнеги родились в Шотландии. Никола Тесла, «первооткрыватель» переменного тока, — серб. Джордж Митчелл, изобретатель технологии фрекинга, один из самых влиятельных бизнесменов последних десятилетий, — сын грека-козопаса.

Прибывшие в Америку поселенцы оказывались необычайно мобильными: они выросли в странах, где свободная земля — огромная редкость, а тут она была в изобилии. Их охватывала и жажда обладания землей, и «охота к перемене мест» — жажда странствий. Эта тяга к мобильности, к свободе перемещений никуда не ушла и после создания более «зажиточной» цивилизации: «Средний город» (Middletown), исследование типичного города Среднего Запада (города Манси в штате Индиана), проведенное Робертом и Хелен Линд, показало, что с течением времени американцы становились все более мобильными. Если в 1893–1898 гг. переезжало 35% американских семей, то в 1920–1924 гг. уже 57%. За первые десятилетия XX в. миллионы чернокожих американцев Юга бежали от кабальной испольщины на Север — в бурно растущие промышленные центры вроде Детройта или Чикаго. (В 1980-е гг. эти миграционные потоки повернулись вспять — миллионы людей разного цвета кожи

оставляют территорию «Ржавого пояса» ради процветающего «Солнечного»¹²).

Во второй половине XIX в. сочетание всех разнообразных преимуществ — культурных и демографических, политических и географических — позволило США стать самой мощной экономикой мира. Сеть железных дорог, пронизавших территорию страны, превратила ее в крупнейший в мире единый рынок: к 1905 г. только через один Чикаго проходило 14% железнодорожных путей мира. В Америке сформировались крупнейшие мировые корпорации: в созданной в 1901 г. компании U.S. Steel (первая в мире компания-миллиардер) работало около 250 000 человек. Америка сделала больше, чем какая-либо другая страна, для того, чтобы превратить две важнейшие новаторские технологии — электричество и двигатель внутреннего сгорания — в неиссякаемый источник потребительских товаров — автомобилей и грузовиков, стиральных машин и радиоприемников.

КАК СТАТЬ БОГАТЫМ

В этой книге мы ведем рассказ, опираясь на три структурных принципа — производительность, созидательное разрушение, политика. Производительность отражает способность общества получить бóльшую отдачу при заданных вложениях. Созидательное разрушение определяет процесс, который стимулирует рост производительности. Политика имеет дело с негативными последствиями созидательного разрушения. Первое — чисто техническая сторона экономики. Второе — экономическое явление, связанное с фундаментальными проблемами социальной философии. Третье уводит нас все дальше из мира таблиц и графиков в мир практических политических решений. Тот же, кто

¹² «Ржавый пояс» — часть Среднего Запада и Восточного побережья США (территория между Великими озерами и Атлантическим океаном), где традиционно сосредоточены предприятия тяжелой промышленности США. Ранее он именовался «Индустриальный», но стал «ржаветь» с 1970-х гг., после упадка промышленного производства и массового закрытия предприятий. «Солнечный пояс» — южная часть США от Флориды до Калифорнии.

считает, что история экономики существует вне связи с политической, читает не ту книгу.

Производительность — наивысший критерий экономического успеха [5]. Ее степень определяет средний уровень жизни общества и отличает развитые страны от развивающихся. Наиболее распространенная ее мера — производительность труда, которая определяется выработкой (количеством добавленной стоимости) за единицу рабочего времени (рабочий час). Главными определяющими факторами (детерминативами) уровня производительности труда являются объем вложенного в производство капитала (производственные площади и оборудование) и количество рабочих часов с учетом образования и квалификации работников.

В 1950-е гг. адепты теории экономического роста во главе с Мозесом Абрамовичем и Робертом Солоу обнаружили, что вложения труда и капитала не определяют параметры роста ВВП полностью. Сведя остаточные факторы влияния на экономический рост к одному, они назвали его многофакторной производительностью (далее — МФП)¹³. В основе МФП лежат новации. Она растет преимущественно от вложений капитала и труда.

Проблема подсчета показателей ВВП и МФП в долгосрочной перспективе состоит в недостоверности статистики — чем дальше вы уходите в историю, тем сложнее получить надежные данные. Правительство США начало систематический сбор информации о национальном доходе и счетах производства только в 1930-е гг., обратившись к опыту Саймона Кузнеца из Стэнфордского университета и Национального бюро экономических исследований. В поисках данных, относящихся к более ранним периодам, историкам приходится обращаться в основном к материалам переписей населения, проводившихся раз в десятилетие с конца 1790-х гг. К этим данным историки добавляют разрозненные сведения о промышленном производстве, посевах и урожаях, поголовье скота, а также рабочих часах, но, как показал Пол Дэвид, эти данные до 1840-х гг. грешат серьезными неточностями. Тем

¹³ Англ.: MFP. Используется и другой термин — общая факторная производительность.

не менее, несмотря на все эти ограничения, целый легион специалистов по экономической истории сумел воссоздать более или менее надежную статистическую хронологию ВВП — как номинального, так и реального — для самого раннего периода существования США (см. приложение) [6]. Мы в книге постоянно будем обращаться к этим данным.

СОЗИДАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ

Созидательное разрушение — главная движущая сила экономического прогресса, нескончаемая буря¹⁴, разрушающая бизнес и человеческие жизни, но по ходу этого создающая более продуктивную экономику. За редким исключением, единственный способ повысить выработку в единицу времени — направить ресурсы общества в те области, которые дают наивысшую отдачу на вложения, или, говоря более формально, направить валовые накопления населения (а также накопления, заимствованные за рубежом) на финансирование самых современных технологий и организаций. Созидание и разрушение — сиамские близнецы. Этот процесс подразумевает замещение прежде продуктивных и эффективных активов и связанных с ними рабочих мест новыми технологиями и рабочими местами. Так революционная технология литья Генри Бессемера в 1855 г. вытеснила предыдущие, более затратные способы получения стали.

Идеей созидательного разрушения мир обязан Йозефу Шумпетеру и его великой книге «Капитализм, социализм и демократия»¹⁵. «Процесс созидательного разрушения является самой сущностью капитализма, — писал Шумпетер. — В этом капитализм и состоит, в его рамках приходится существовать каждому капиталистическому концерну». Однако — при всей своей гениальности — в разработке последовательной теории

¹⁴ Выражение Йозефа Шумпетера («perennial gale») в первом русском переводе В.С. Автономова книги «Капитализм, социализм и демократия», передано менее точно — как «постоянный поток». — *Прим. ред.*

¹⁵ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. — М.: Эксмо, 2007.

созидательного разрушения Шумпетер не пошел дальше блестящих метафор, оставив эту задачу своим последователям. Современные экономисты пытались наполнить его идеи реальным содержанием, превратить метафоры в концепции, которые учитывают политические реалии и воспринимают мир таким, каков он есть.

Для изучения этой «нескончаемой бури» нет лучшего места и времени, чем Америка конца XIX в., где появилась плеяда титанов бизнеса. Они преобразали целые отрасли в континентальном масштабе. Это было время, когда федеральное правительство сосредоточилось в основном на защите прав собственников и соблюдении договорных условий, не пытаясь «обуздать» процесс созидательного разрушения. Благодаря постоянному совершенствованию технологий издержки производства на единицу продукции (показатель, в принципе аналогичный почасовой выработке) «бессемеровской стали» резко снизились, в результате чего оптовая цена на сталь с 1876 по 1901 г. упала на 83,5%. Дешевая сталь запустила целый цикл новаций: стальные рельсы были в десять с лишним раз долговечнее чугунных, а стоили лишь немногим дороже, что позволяло перевозить по железным дорогам больше людей и товаров за меньшие деньги. Аналогичный каскад модернизационных изменений, затронувших почти все сферы деятельности человека, удвоил уровень жизни в Америке всего за поколение.

Наиболее очевидным способом стимуляции созидательного разрушения является производство более мощных машин и механизмов. Примечательно, что многие подобные механизмы, совершившие революционные преобразования в производительности труда, выглядят как кустарные поделки непонятного предназначения. Жатка Сайруса Маккормика, которую лондонская *The Times* описывала как помесь акробатической трапеции и инвалидной коляски [7], за период с 1831 г. (когда она была изобретена) по конец XIX в. позволила повысить производительность труда на 500% при сборе пшеницы и на 250% – при сборе кукурузы. При этом за тот же период высвободилось до четверти мировой рабочей силы в области сельского хозяйства. В 1800 г.

вооруженный серпом фермер за один день тяжелого труда мог сжать колосья пшеницы с 0,4 га земли. К 1890 г. двое фермеров, используя пару лошадей, за то же время могли сжать и связать пшеницу в снопы с 8 га. Швейная машинка, изобретенная в 1846 г., в 1870-е гг. уже пошедшая в массовое производство, повысила производительность труда более чем в пять раз. Новые табуляторы (счетно-аналитические машинки) позволили завершить перепись населения в 1890 г. всего за год – всего десятилетием раньше полная обработка данных по переписи населения занимала (по оценкам) 13 лет. Телетайп, появившийся в 1910 г., к 1929 г. лишил работы от 80 до 90% телеграфистов, оперировавших азбукой Морзе.

Совершенствование бизнес-практик важно не менее технологических новшеств. Главным вкладом Америки в повышение мировой производительности труда стало, возможно, именно массовое производство. В Европе XIX в. производство технологичных продуктов – таких, например, как ружья или часы – было сосредоточено в руках отдельных мастеров-ремесленников. В Америке Эли Уитни и другие новаторы преобразовали производство механизмов в процесс производства стандартизированных деталей. В 1913 г. Генри Форд запустил первый конвейер, доставлявший рабочее место к работнику. Успехи Америки в производстве более совершенных машин и производственных процессов признавали даже самые недалекие умы. Сталин назвал Америку «страной машин» [8]. Гитлер заявлял, что нацизм – это «фордизм плюс фюрер».

Вкупе с этими мощными силами в том же направлении действовали и более деликатные. Самая важная из них – информация. За последние годы мы настолько привыкли получать необходимую информацию вовремя, что воспринимаем ее как воздух, которым дышим. Но на протяжении большей части истории человечества информация была настолько дорогой, что людям зачастую приходилось действовать в полном неведении. Битва за Новый Орлеан, сделавшая Эндрю Джексона национальным героем Америки, – последнее крупное сражение англо-американской войны 1812 г., в котором британцы потеряли 700 человек убитыми, – состоялась через две недели после

того, как был заключен Гентский мирный договор, завершивший войну¹⁶.

В 1827 г. вышел *Journal of Commerce*, ставший незаменимым источником самых горячих деловых новостей: журналисты на скоростных шхунах перехватывали в открытом море корабли, направляющиеся в Новый Свет, чтобы узнать последние известия до того, как те войдут в порт. Телеграф Сэмюэла Морзе, впервые продемонстрированный публике в 1844 г., сократил время передачи информации до считанных секунд. Телеграфная компания Western Union связала тихоокеанское и атлантическое побережья Америки в единую коммуникационную систему в 1861 г., соединив телеграфные линии в городе Форт-Ларами, Вайоминг. Всего через несколько лет, в 1869 г., реальностью стали трансконтинентальные грузовые и пассажирские перевозки. Золотой костыль был торжественно вбит на церемонии в Промонтори-саммит, в Юте — в точке, где соединились железнодорожные сети Union Pacific и Central Pacific. Параллельно железнодорожным путям строились телеграфные сети. Сооружение трансатлантического телеграфного кабеля (после серии неудач) в 1866 г. наконец создало трансатлантическое финансовое сообщество: коммерсанты в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Лондоне получили возможность общаться в реальном времени.

Информационная революция устранила все помехи и неопределенности, которые прежде затрудняли и тормозили деловую активность. Теперь продавцы могли дозаказать товар сразу после того, как тот уходил с полки. Поставщики получили постоянный контроль за цепочками поставок. Мгновенная коммуникация между кассой на прилавке и производственной площадкой, между поставщиками и перевозчиками снижает время доставки товара и необходимость складировать (и учитывать) массу товаров, не вовлеченных непосредственно в товарооборот.

Второй аспект созидательного разрушения — снижение затрат на капитальные вложения в экономику. Эндрю Карнеги и Джон

¹⁶ Война 1812 г. — второй англо-американский военный конфликт 1812–1815 гг., также называемый Второй войной за независимость, подтвердивший статус США как суверенной державы. — Прим. ред.

Рокфеллер были героями созидательного разрушения: за счет выдающейся организации бизнеса и постоянных новшеств они сокращали затраты на капиталовложения в производство стали (Карнеги) и энергии (Рокфеллер), регулярно гальванизируя экономику снижением цен и предложением все более широкого доступа к ресурсам.

Третий аспект – более эффективное использование капиталовложений. В славные дни американского промышленного могущества степень успеха измерялась ценой завода или высотой небоскреба. Со временем, однако, размер становился все менее адекватным мерилom экономического могущества – объем сырья, необходимый для производства единицы товара или продукции, за последние десятилетия неуклонно снижался. Развитие интегральных микросхем позволило «упаковывать» все большее количество функций во все более миниатюрные электронные коробки, достижения в материаловедении – производить более легкие (в пересчете на лошадиную силу) автомобили и более рационально устроенные здания. По нашим оценкам, с 1879 по 2015 г. снижение доли материалов на каждый доллар в реальном ВВП добавило 0,26% к росту ВВП каждый год. К 2015 г. это добавило к общему ВВП 40%. Ежегодная прибавка к росту ВВП была особенно значительной в период с 1879 по 1899 г., когда эффективность добавляла к росту реального ВВП 0,52 процентных пункта в год – в 1899 г., соответственно, общий уровень прироста реального ВВП из этого источника составил 10,6%.

Еще один аспект созидательного разрушения – снижение расходов на транспортировку. Лист холоднокатаной стали в машине, стоящей в салоне автодилера, стоит дороже, чем на выходе с прокатного стана сталелитейного завода в Питтсбурге. Соответственно, совершенствование транспортной системы приносит два очевидных преимущества: оно облегчает сведение воедино всех факторов производства и позволяет предпринимателям быстрее доставлять потребителям конечные результаты этого производства – готовую продукцию. На заре существования США скорость лошади и ход парусного корабля определяли возможности для роста производительности. Улучшение

качества дорог или такелажа могли лишь незначительно повысить производительность, ибо лошадь и парусник не могли двигаться слишком быстро. Производительность повысилась, когда пароходы вытеснили парусники — и не только потому, что выросла скорость речного сообщения, но и потому, что пароходы одинаково легко шли как вниз по течению, так и вверх. Трансконтинентальная железная дорога сократила время перевозки грузов и пассажиров от побережья до побережья с шести месяцев до шести дней [9]. С развитием местных железных дорог к общенациональной транспортной сети «подключалось» все больше человеческих и физических ресурсов страны; нарастал масштаб перемещения товаров и людей внутри США. Автомобили и шоссейные дороги постепенно потеснили железные дороги с ведущих позиций: с их помощью товары можно было доставить к двери заказчика, а не на ближайшую к нему железнодорожную станцию. Следующая революция — миниатюризация — сократила транспортные расходы еще сильнее: компьютерная отрасль по природе своей имеет более глобальный характер, чем, скажем, производство цемента, поскольку легкие и дорогие компьютерные комплектующие проще перевозить из одной части мира в другую.

Пятый фактор повышения производительности — географический. В сегодняшнем «плоском» мире цепочки поставок глобальны, а коммуникации мгновенны, и мы порой забываем то, что было очевидно для наших предшественников: разумный выбор места для производственной площадки может резко повысить производительность. Предприниматели наживали состояния, выстроив фабрику рядом с водопадом (за счет дармовой энергии) или около реки (бесплатный транспорт) — или просто грамотно расположив само производство и связанные с ним средства его обслуживания. Логика, направленная на повышение производительности, одинаково приложима к любым единицам измерения — как к ярдам или милям, так и к долям дюйма. Она действует одинаково в любом масштабе. В XIX в. предприниматели создавали экономическую ценность, строя железные дороги для того, чтобы перевозить железную руду из Месаби-рендж

в Миннесоте и уголь из Западной Вирджинии к плавильным печам Питтсбурга, где из них вместе на выходе получали сталь. Сегодня предприниматели создают экономическую ценность, еще компактнее «упаковывая» в интегральные схемы постоянно уменьшающиеся в размерах кремниевые чипы, чтобы получить на выходе очередной прирост вычислительной мощности.

КОВАРСТВО ИСТОРИИ

В реальном мире созидательное разрушение редко работает в соответствии с безупречной компьютерной логикой закона Мура¹⁷. Новой технологии может понадобиться много времени для того, чтобы кардинально изменить экономику. Распространение телеграфа Сэмюэла Морзе осложнялось размером страны и особенностями ее рельефа. Телеграфные сети быстро покрыли Восточное побережье США и густонаселенные районы западного, обеспечив жителей этих территорий почти моментальной связью, но центральные части страны оставались в информационном вакууме. В конце 1850-х гг. для передачи сообщения с одного побережья на другое совместными усилиями телеграфа и почтового дилижанса все еще требовалось три недели. Порой старые технологии могут идти (и работать) рука об руку с новыми: с 1860 г. усилиями курьерской службы Pony Express, конные почтальоны которой доставляли сообщения, меняя на почтовых станциях уставших лошадей на свежих, депеши пересекали страну уже быстрее, чем за десять дней [10]. Конная курьерская служба оказалась гораздо гибче, чем более технологичное железнодорожное сообщение, — лошади курьеров могли преодолевать крутые склоны каньонов и пробираться по узким тропкам, доставляя сообщения туда, куда не было ходу поездам.

Как подсказывает история Pony Express, новые технологии часто поддерживают старые или вдыхают в них новую жизнь.

¹⁷ Закон Мура — эмпирическое наблюдение, согласно которому количество транзисторов, размещаемых на одном кристалле интегральной схемы, удваивается каждые 24 месяца.

Журнал *The Nation* в октябре 1872 г. так писал о парадоксальной популярности лошади в эпоху пара:

Мы так много лет говорили о железных дорогах, пароходах и телеграфе как о великих «силах прогресса», что почти перестали обращать внимание на то, что наша зависимость от лошади выросла практически *pari passu*¹⁸ с нашей зависимостью от пара. Мы покрыли всю страну нашими великими линиями парового сообщения и связи, но товарами и пассажирами их питают лошади. Наши быстроходные пароходы бороздят океаны, но эти суда невозможно ни нагрузить, ни разгрузить без лошадей [11].

Несколько десятилетий подряд «копытное» население Америки росло в два с лишним раза быстрее, чем «двуногое» — от 4,3 млн лошадей и мулов в 1840 г. до 27,5 млн в 1910 г. Если в начале 70-летнего периода беспорядочного прогресса одна лошадь приходилась на пять человек, то к его концу — уже одна на троих [12]. Лошади крутили жернова мельниц, тянули плуги в поле, а также баржи и другие суда по рекам и каналам, пастухи на конях пасли стада, кавалеристы бросались в атаку, но прежде всего на лошадях перевозили грузы на небольшие расстояния. Для того чтобы заменить лошадей в качестве сердца американской экономики, потребовалась комбинация трех видов энергии. Паровая тяга вытеснила лошадей из перевозок на длинные расстояния, электричество — из городского транспорта, а «безлошадные повозки» с двигателем внутреннего сгорания — из сферы коротких грузоперевозок.

Обычно между появлением новой технологии и резким ростом производительности, вызванным ее применением, проходит довольно много времени. За 40 лет, прошедших с того момента, как Томас Эдисон устроил электрическое световое шоу в Нижнем Манхэттене в 1882 г.¹⁹, электричество не внесло особого вклада

¹⁸ *Pari passu* — лат.: в равной мере. — Прим. ред.

¹⁹ В 1882 г., построив первую в Америке распределительную подстанцию, Эдисон провел электрическое освещение на Перл-стрит, а также подключил к сети 59 клиентов в Манхэттене.

в рост производительности заводов и фабрик страны. Внедрение электричества в производство не сводилось к простому «подключению» фабрик к электрической сети. Для полноценной электрификации промышленности необходимо было полностью перепрофилировать весь производственный процесс, заменив «вертикальные» фабрики на «горизонтальные»²⁰, чтобы использовать новый источник энергии с максимальной эффективностью [13].

Некоторые из наиболее существенных прорывов в производительности происходят без особой помпы. Мощнейший прогресс в сталелитейном деле и в агрокультуре случился много позже того, как комментаторам наскучило обсуждать «эпоху стали» и «сельскохозяйственную революцию». Печь с кислородным наддувом (как подсказывает название, в ней использовался чистый кислород вместо воздуха) пришла на смену мартеновской печи после Второй мировой войны, сократив время плавки с 8–9 часов до 35–40 минут. С 1920 по 2000 г. трудозатраты на выплавку тонны нерафинированной стали сократились в тысячу раз — с трех рабочих человеко-часов на метрическую тонну до всего 0,003.

Наиболее существенное воздействие технологический прогресс часто оказывает на нашу повседневную жизнь. Он скорее облегчает наше существование, чем сказывается на состоянии каких-то отдельно взятых отраслей вроде промышленности или сельского хозяйства. Геродот описывал египетского фараона, которому оставалось жить всего шесть лет: «Понимая, что судьба его определена, [он] приказал... каждый вечер зажигать лампы... и наслаждался... превращая ночь в день — так он прожил двенадцать за срок шести» [14]. Распространение электричества с начала

²⁰ Под переходом от «вертикальных» к «горизонтальным» фабрикам, подключившимся к электрической сети, авторы понимают замену механических и паровых двигателей электрическими и применение электрических приборов во всех звеньях технологической цепочки, а не простое освещение цехов электрическими светильниками. Второй способ «модернизации» не предполагает структурную перестройку. Но это имело и другую сторону дела: раньше паровые машины ставились на первом этаже, а цеха со станками, «питавшимися» их энергией, располагались часто выше, на втором этаже, вертикально. Появление компактных электродвигателей делало такую организацию производственного процесса излишней, то есть позволяло располагать станки горизонтально. — Прим. ред.

XX в. оказало на американцев в целом примерно тот же эффект. Электрическая бытовая техника и полуфабрикаты быстрого приготовления сократили время на готовку, стирку и уборку с 58 часов в неделю в 1900 г. до 18 часов в неделю в 1975 г. [15]. По оценкам Статистического управления Министерства труда США, сканеры штрихкода на кассах увеличили скорость работы кассиров на 30% и сократили трудозатраты кассиров и упаковщиков на 10–15%.

ТЕМНАЯ СТОРОНА СОЗИДАТЕЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ

Деструктивный аспект созидательного разрушения проявляется в двух очевидных формах: разрушении физических активов по мере того, как они перестают соответствовать новым требованиям, и перемещение рабочей силы по мере того, как исчерпывается необходимость в старых рабочих местах. К этому следует добавить проблему неопределенности. «Буря созидательного разрушения» сносила старые истины вместе с отжившими практиками: никто не мог знать, какие активы в будущем окажутся продуктивными, а какие — нет. Новые технологии почти всегда приводят к надуванию спекулятивных пузырей, которым свойственно схлопываться — подчас с катастрофическими последствиями.

Созидательное разрушение обычно воспринимается, по Максиму Веберу, с «бездной недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения» [16]. Причина тому — отчасти боязнь любых перемен, свойственная человечеству в целом, а отчасти — тот факт, что перемены создают как победителей, так и проигравших. Самые очевидные противники перемен — рабочие, пытающиеся отстоять свои «архаизирующиеся» рабочие места. До Гражданской войны у американских рабочих было немного шансов создать организованное движение в защиту своих прав, поскольку компании были небольшими; рынок труда формировали элитные ремесленные гильдии; отношения в них были личными; забастовки случались крайне редко. После Гражданской

войны, с развитием крупного бизнеса, неквалифицированные рабочие стали образовывать профсоюзы, чтобы добиться повышения зарплаты и улучшения условий труда²¹. Острые конфликты с законами бизнеса порой приводили к вспышкам насилия и часто отравляли классовые отношения.

Американские профсоюзы были гораздо слабее европейских. Суды наносили профсоюзному движению удар за ударом, запрещая трудовые объединения. Его сотрясали постоянные конфликты между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, иммигрантами и местными уроженцами, а также между разнообразными региональными лоббистскими группировками. В 1930-е гг., после принятия целой серии законодательных актов, принятых в интересах рабочего класса, профсоюзы приобрели значительную власть. В период процветания после Второй мировой войны в профсоюзах состояла примерно треть американских рабочих частного сектора, а сами профсоюзы играли важную роль в формировании государственной политики. Однако индивидуалистические традиции Америки оставались очень сильными. Закон Тафта–Хартли в 1947 г. запретил принцип «закрытого цеха»²². Южные штаты были гораздо негативнее настроены по отношению к профсоюзам, чем северные. А после волны дерегуляционных законов 1970-х гг., количество американских рабочих, вовлеченных в профсоюзы, пошло на убыль.

²¹ Авторы крайне упрощают историю профсоюзного движения в США. Неквалифицированные рабочие в американских условиях – почти исключительно иммигранты, говорившие на разных языках и готовые на любую, самую низкооплачиваемую, работу. Поэтому «старые» американцы относились к таким потенциальным (и часто фактическим) штрейкбрехерам с подозрением. Это касалось и профсоюзов, первоначально разделенных по национальным «квартирам». Авторы, упоминая неквалифицированных рабочих и их профсоюзы, подразумевают профсоюзы именно «иммигрантские». Именно с целью объединить разобщенное рабочее движение в наиболее передовой, стремительно развивавшейся капиталистической стране и затем уже, с помощью воспитанных в Америке национальных рабочих лидеров, вести и европейский пролетариат к мировой революции во многом связано парадоксальное решение I Интернационала в 1873 г. перенести в США его Генеральный совет. Ничего, впрочем, из этой затеи не вышло, но сама идея показательна. – *Прим. ред.*

²² Согласно этому принципу, наниматели не имели права брать на работу лиц, не являющихся членами профсоюза.

Профсоюзы не были столь уж заметной помехой на пути прогресса в долгую эпоху менеджерского капитализма после Второй мировой войны, поскольку Соединенные Штаты пожинали плоды поточного производства и распространения уже зрелых, зарекомендовавших себя технологий вроде электричества. Однако те же профсоюзы стали самым серьезным образом тормозить развитие и рост экономики, когда на смену поточному производству должно было прийти гибкое, переналаживаемое производство, а менеджерский капитализм должен был уступить место капитализму более предпринимательскому.

Но сопротивляться переменам могут не только профсоюзные боссы, но и титаны бизнеса. Один из величайших парадоксов созидательного разрушения состоит в том, что его выгодополучатели в один момент могут превратиться в его горячих противников: опасаясь того, что их производство превратится в архаичный пережиток или их конкуренты начнут производить лучшую продукцию, они сделают все возможное — от лоббирования в правительстве до обращений в суд, чтобы притормозить или вовсе заморозить конкуренцию, чтобы превратить свое временное преимущество в постоянное. В 1880-е гг. Эндрю Хикенлупер, возглавлявший Cincinnati Gas Company и одно время бывший президентом Американской ассоциации газовых компаний²³, вел активнейшую борьбу за «газовые рожки» против «динамо-машин». Он угрозами заставлял отцов города отказываться в подрядах электрическим компаниям (как, впрочем, и газовым компаниям-конкурентам), а также развернул пропагандистскую кампанию в прессе. Газеты рассказывали, что новая технология чрезвычайно опасна — электропроводка, дескать, могла вызвать смерть в результате удара электрическим током или вызвать пожар общегородского масштаба [17].

²³ Хикенлупер умер в 1904 г., а American Gas Association была создана в 1918 г. Возможно, авторы имели в виду, что Хикенлупер являлся президентом Торговой палаты Цинциннати — как раз в середине 1880-х гг.

ПОЛИТИКИ НА АРЕНЕ

Америка была подвержена воздействию как конструктивного, так и негативного аспекта созидательного разрушения, чем большинство других стран мира: американцы лучше остальных умели создавать новые бизнесы и масштабировать их; с наименьшей легкостью они и сворачивали бизнесы, оказавшиеся неудачными. Наиболее яркое свидетельство этому – необычно спокойное отношение к банкротству, выработавшееся в США. Многие величайшие американские предприниматели XIX в. – Чарльз Гудьир, Роулэнд Мейси, Генри Хайнц²⁴ и другие – неоднократно терпели неудачи, прежде чем стать иконами бизнеса.

Вкус американцев к созидательному разрушению имеет глубокие и разветвленные корни. Огромная территория страны способствовала как готовности людей к риску, так и подвижности. С самых первых дней запад США заполнился «городами-призраками» – люди быстро возводили новые города и так же легко оставляли их. Молодость страны не позволила сформироваться устойчивым привилегированным классам, да и власть таких социальных групп была ограниченной: немногие, особенно на западе страны, успели сформировать тот устоявшийся образ жизни, который стоило бы защищать. В Англии железным дорогам приходилось делать странные петли, чтобы обойти древние поселения. В Америке железные дороги пролагали прямые линии «из Ниоткуда в Никуда», как некогда заметила лондонская *The Times*. Порой Америке приходилось дорого платить за свое увлечение – не только с эстетической точки зрения, но и с экономической: построенные на скорую руку, без каких-то серьезных оценок их перспектив, новые поселения еще легче, без особых раздумий, забрасывали. Но по меньшей мере это позволяло избежать застоя.

Политическая система страны существенно усилила эти географические и культурные преимущества. Самой сильной помехой

²⁴ Генри Хайнц (1844–1919) – основатель компании H.J. Heinz, известной в том числе своей маркой кетчупа и детских смесей